

УДК 81'367.622.15

NOMINA AGENTIS В ДВУЯЗЫЧНЫХ ЛЕКСИКОНАХ XVII ВЕКА

© 2010 г.

А.И. Бовсуновская

Казанский госуниверситет им. В.И. Ульянова-Ленина

bowari@yandex.ru

Поступила в редакцию 14.05.2009

Исследуются структурные и семантические особенности *nomina agentis* с суффиксом *-тель* в славяно-латинских лексиконах XVII века. Автором подчеркивается значение латинских соответствий для анализа специфики данного словообразовательного типа в исследуемый период. Особое внимание уделяется адаптации греческих заимствований.

Ключевые слова: словообразование, *nomina agentis*, славяно-латинские лексиконы, греческие заимствования, композиты.

Лексикографические памятники как источник изучения истории языка характеризуются рядом особенностей. Очевидно, во-первых, что источники такого рода предполагают влияние субъективного языкового сознания составителя, представленного как в специфике отбора материала, так и в его толковании. Кроме того, часто узость (а в иных лексиконах отсутствие) контекста ограничивает возможности исследователя. Тем не менее подобные памятники представляют и особую ценность, поскольку призваны фиксировать определенный этап в формировании языка, систематизируя определенным образом отобранный языковой материал и предполагая некие принципы составления, исходя из которых историк языка может делать выводы о состоянии языковой системы в исследуемый период истории.

Все вышесказанное применимо и к дву- и многоязычным словарям. Однако, кроме этого, словари данного рода замечательны тем, что предоставляют возможность для сопоставительного исследования языковых особенностей, поскольку два (или более) языка в них уже заключены в некоторые рамки и приведены в некое взаимодействие. Это сосуществование, с одной стороны, помогает увидеть в сопоставлении индивидуальное в каждом языке, прояснить явления и процессы, неявные и необъяснимые при анализе внутриязыковом, с другой – выявить общие грамматические, лексические, синтаксические закономерности, неизбежно присутствующие даже в неблизкородственных языках.

Объектом нашего внимания будут двуязычные славяно-латинские лексиконы, составленные в середине XVII века в Москве украинскими учеными монахами Епифанием

Славинецким и Арсением Корецким-Сатановским.

Роль латинского языка во время создания исследуемых словарей заслуживает особого комментария. Это был, во-первых, язык европейской учености, знание которого подобало всякому образованному человеку. Во-вторых, латынь являла собой символ и основу католического богослужения, следовательно, также подлежала тщательному изучению в целях более уверенного противостояния антагонистическому вероисповеданию.

Славяно-латинские словари, таким образом, служили целям научного и религиозного просвещения и представляли несомненную ценность. Значение лексикографических памятников XVII века как источника языкового материала для диахронического исследования также трудно переоценить, ведь именно в это время происходит формирование языка русской нации, заканчивается процесс нормоопределения в стилистике (в XVIII веке выразившийся в «теории трех штилей» М.В. Ломоносова), морфологии (завершается формирование категории глагольного вида) и др.

Исследуемые памятники – «Латинский лексикон» (далее – *Лат.*) и «Славяно-латинский лексикон» (далее – *Слав.*) создавались людьми высокообразованными. Епифаний Славинецкий, которому принадлежит ведущая роль в составлении обоих лексиконов, получил классическое европейское образование, долгое время был преподавателем латинского и древнегреческого языков в Киевской академии, в совершенстве знал церковнославянский язык, был автором многочисленных переводческих и богословских трудов. Происходящие в русском языке

ке изменения, безусловно, не могли не находить отражения в его словарях.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что в нем впервые проводится сопоставительное исследование русского и латинского языка в словообразовательном аспекте. Словообразовательные процессы и явления, происходившие в языке XVII века, получают новое освещение посредством анализа их отражения в латинском материале двуязычных словарей.

Материалом работы стали *nomina agentis* с суффиксом *-тель*, представленные в изучаемых словарях. Задача данной работы – исследование структурных и семантических особенностей имен данного типа в сопоставлении с латинскими эквивалентами.

В системе *nomina agentis* словообразовательный тип с суффиксом *-тель* противопоставлен другим по стилистическим характеристикам: образования данного типа принадлежат славяно-книжной лексике, в отличие от имен с прочими суффиксами. Тип с суффиксом *-тель* является вторым по частотности употребления среди имен действующего лица в *Слав.*

А. Мейе и другие считают, что суффикс *-тель* является русским вариантом индоевропейского суффикса *-(t)or/(t)er*. Но мы не разделяем этой точки зрения, поскольку в старославянском языке существовал суффикс *-ter* в словах женского рода, наряду с ним существовал и суффикс *-тель*: «-тель: имена, производные от глаголов. Их значение – название действующего лица: *prijatelj* (*prijati* – «помогать»), *děatelj* – «рабочий», *hktelj* (*hkti* – «жать»), ст.-сл. **ДАТЕЛЬ**, **ПРѢДАТЕЛЬ**, **ГОУВИТЕЛЬ**, **МІЧИТЕЛЬ**, **ОУЧИТЕЛЬ**. От имен с глагольной частью на *-i* отвлечен суффикс *-itelj*: ст.-сл. **повелитель**, **всьедръжитель**» [1, с. 72]. В.М. Марков, думается, аргументированно доказал, что суффикс *-тель* в славянских языках является славянским новообразованием, а именно контаминацией двух именных суффиксов: (*-t* и *-el-*), имевшей место при взаимодействии этих суффиксальных образований и дальнейшем вовлечении новообразований в сферу приглагольной соотносительности [2].

Вопрос происхождения и функционирования имен на *-тель* затрагивается в трудах С.П. Обнорского, Н.М. Шанского, В.В. Виноградова, Е.А. Земской, В.Л. Воронцовой.

В этих исследованиях доказывалось, что суффикс имел общеславянское происхождение и был связан с развитием славяно-книжной стилистики, так же как суффиксы *-ость*, *-ние*, *-ствие* и т. п. [3, с. 27–28].

В XVII веке суффикс постепенно начинает утрачивать стилистическую маркированность. XVII век явился пограничной эпохой, во время которой происходило постепенное стилистическое нивелирование славяно-книжных суффиксальных элементов. Если до этого времени использование подобных элементов в деловом языке было жестко детерминировано (традиционные зачины, названия церквей и церковных праздников и т. п.), то после XVII века происходит расширение стилистических возможностей делового языка и в деловой письменности Москвы встречается уже значительное число образований с суффиксами *-тель*, *-(ьн)ик*, *-ец* и др. Происходит преобразование всей стилистической системы русского языка, характеризующееся интеграцией делового и книжного стилей языка, переоценкой словообразовательных категорий в соответствующем аспекте вплоть до стилистической нейтрализации [3, с. 122–123].

Всего в Лексиконе 181 имя с данным суффиксом.

С точки зрения структуры в исследуемом нами словаре можно выделить две группы имен на *-тель*: образованные путем суффиксации (с одной производящей основой) и сложения (с двумя основами, входящими в производящую базу).

Все суффиксальные имена на *-тель* мотивированы инфинитивами глаголов. В связи с этим необходимо обратить внимание на то, какие глаголы приводят составители словарей в соседстве с именами на *-тель*.

А. Корецкий располагает слова в Лексиконе по корневым гнездам, большинство имен на *-тель* в *Слав.* соседствует с однокорневыми глаголами. Все приводимые здесь глаголы по форме могли бы быть отнесены с современной точки зрения к глаголам несовершенного вида. В то же время многие имена на *-тель* образованы, судя по их структуре, от глаголов совершенного вида, например, **искупитель**, **насадитель**, **потвердитель**. В этой связи встает вопрос: насколько закономерно соотносить имена на *-тель* с отмеченными в словаре глаголами?

Следует указать на ненамеренность наблюдающейся в лексиконе соотносительности имен на *-тель* с приводимыми в *Слав.* глагольными лексемами. В частности, анализ латинской части демонстрирует непоследовательность соотносительности существительного на *-тель* и присутствующего в словаре однокорневого глагола.

Латинское соответствие глагола может мотивировать соответствие имени на *-тель* (*Redimto* (**искупитю**) – *Redemptor* (**искупитель**)). Либо

одно (или несколько, но не все) из соответствий глагола является производящим для одного (или нескольких) из соответствий существительного (Probo. Experior. Tendo. Usu exploro (**искушаю**) – Te[n]tator (temptator). Probator. Examinator (**искуситель**). Supplanto. Impedio. Ob-sisto (**запинаю**) – Supplantator. Interpellator. Ob-turbator (**запинатель**)). Есть также примеры, когда соответствия глагола и существительного не соотносятся между собой (Fatigo. Lasso. De-fatigo (**томлю**) – Tyrannus. Cruciator (**томитель**)).

В то же время соотносительность имен на *-тель* с однокорневыми глаголами в *Слав.* не могла не появляться, поскольку тяготение подобных образований к глаголам несовершенного вида проявилось уже на том этапе языковой истории.

Надо отметить и наличие в словаре глаголов совершенного вида, о перфективном значении которых свидетельствуют характерные префиксы, наличие соотносимых имперфективов, фиксируемых в словарях, либо соответствующие контексты. Есть также глаголы двувидовые либо стремящиеся стать таковыми. Показательно, что ни одна из глагольных лексем, тяготеющих к совершенному виду либо двувидовости, не имеет в *Слав.* однокорневого образования на *-тель*.

Анализ этих глаголов в сопоставительном славяно-латинском плане необходим для уточнения представлений составителя о виде в современном ему состоянии.

При описании глаголов, тяготеющих к совершенному виду, Славинецкий отступает от принципа начальной формы (praes.ind.act. 1 Sg) и употребляет 3-е лицо ед. ч.: **случися** – accidit. В качестве латинского соответствия этому явно перфективному образованию (судя по аористной форме) приводится латинский перфект, указывающий на то, что действие закончилось. В другом случае Славинецкий употребляет глагол в форме инфинитива: **втяготѣти** и снова использует латинский перфект – omustus sum. В последнем из встретившихся примеров славянский и латинский глаголы употреблены в форме будущего времени: **явлюся** – apparebo.

В словаре мы обнаруживаем доказательства того, что процесс оформления категории вида в период создания Лексикона не был завершен. Об этом свидетельствуют разнообразные способы отражения видового значения, используемые составителем, непоследовательность проявления видовых различий, незначительное число образований совершенного вида и отсутствие соотносимых пар.

Латинский материал лексикона *Слав.* представляет ценность и для анализа семантических особенностей образований на *-тель*.

Среди латинских соответствий именам на *-тель* в *Слав.* подавляющее большинство составляют существительные мужского рода на *-or*. Согласно латинской грамматике, имена с этим суффиксом выражают значение «действующее лицо», или nomen agentis [4, с. 119].

Часто лексема на *-or*, фиксируемая современными словарями [5] в узком значении представителя определенной профессии либо рода деятельности, у Славинецкого сохраняет живую связь с глаголом и обозначает действующее лицо по значению глагола. Например:

Познатель. Cognitor («стряпчий, адвокат; удостоверяющий тождество личности, поручитель; представитель, защитник; следователь»). Cognosco («познавать, узнавать, постигать, знакомиться; вести разведку, разведывать, обследовать; узнавать; вести следствие, расследовать, разбирать»); **смотритель.** Lustrator («Странник»). Lustrо («производить осмотр, обозревать, осматривать, рассматривать, обдумывать»).

В ряде случаев латинские соответствия на *-or* не отражают значение славянского имени. Иногда невозможно провести параллель между славянской лексемой и ее латинскими эквивалентами: **подражатель.** Collator («пайщик, участник складчины; налогоплательщик; участник собеседования, оратор»). Traditor («предатель; преподаватель»).

Такие расхождения можно объяснить несопадением значений латинских лексем, фиксируемых словарем И.Х. Дворецкого (материалом для которого служили памятники античной письменности), со значением, какое они имели в XVII веке и в каком их употреблял Е. Славинецкий. Также мы допускаем возможность ошибки составителя (переписчиков) в славянском либо латинском слове.

Ряд лексем на *-or*, приводимых Славинецким, нам не удалось обнаружить в словаре Дворецкого. По-видимому, при отсутствии эквивалента в языке лексикограф сам создавал образование на *-or* (как наиболее точно передающее семантику nomen agentis (в дальнейшем NA) от соответствующего по значению глагола. Например:

Низложитель. Deturbator (NA от de-turbo «низвергать, сбрасывать»); **посѣтитель.** Reuisor (NA от reviso «снова приходить, посещать; возвращаться»); **вбновитель.** Restaurator (NA от restauro «восстанавливать; возобновлять»); **вбятель.** Complexor (NA от complexo «обхватывать, обнимать»).

Некоторые лексемы, отмеченные у Славинецкого, были позднее заимствованы и активно функционируют в современном русском языке в значении представителя профессии, например: *reuisor, restaurator*.

Иногда составитель использует в качестве соответствий именам на *-тель* лексемы греческого происхождения. Славинецкий-переводчик «принадлежал к группе так называемых «грекофилов» – книжников и просветителей, отстаивающих значение греческого языка и культуры для русского православия и противящихся нарастающему латинскому (читай – католическому) влиянию на современную им православную славянскую культуру». Грекофилы «стремились, чтобы через правильный в их понимании церковнославянский язык сохранялся греческий фундамент русского православия». Язык переводов Епифания Славинецкого «отличает особо скрупулезное, буквальное следование греческому оригиналу» [6, с. 200].

Обратимся к примерам употребления греческих заимствований.

Среди них можно выделить:

– *наименования лиц по профессии, роду занятий*: *Pal[a]estrites* «борец, атлет» (**Боритель**). *Choreutes* «плясун» (**Ликователь**). *Anagnostes* «чтец» (**Читатель**). *Paraphrastes* «парафраст, автор описательного перевода, пересказа» (**Вказатель**); в том числе: *наименования лиц, чья деятельность связана с религией (церковью)*: *Euangelista* (**Благовѣститель**). *Exorcista* (**Заклинатель вѣса**). *Baptista* (**Креститель**);

– *прочие наименования лиц по действию*: **Похулитель**. *Blasph(a)emus* (от *Blasph(a)emo* «поносить, хулить, злословить»). **Притворитель**. *Nuroscrita* («гипокрит, мим, сопровождающий слова актера соответствующими жестами; лицемер»).

Об активном использовании Славинецким возможностей греческого языка свидетельствуют присутствующие в словаре лексемы на *-or*, образованные от греческих глаголов: *exorcissator* (*Exorcisso* (Двор. *exorcizo*). **Заклинатель вѣса**).

Особого внимания заслуживают греческие соответствия славянским сложным лексемам. В славянском языке словосложение не было так продуктивно, как в греческом. Ввиду того, что большинство памятников того времени были переводными, основная часть состава сложных слов (в основном это церковная лексика) была когда-то скалькирована с греческого. Интересно проследить в связи с этим, как значение греческих калек передается Славинецким. Самый

простой способ – восстановление структуры исходной греческой лексемы: **Благовѣститель** – *Euangelista*. **Кореннопродатель** – *Aromatorola*. **Домостроитель** – *Oeconomus*. **Красногатель** – *Eloquens*.

Другой вариант – употребление синонимичной простой лексемы: **Добродѣ(а)тель** – *Maecenas*. **Красногатель** – *Rhetor*.

Третий путь выражения семантики сложного слова – описательный – с помощью латинского словосочетания.

Благовѣститель. *Boni nuntii allator* («добрые вести доставляющий»). **Бракотворитель**. *Nuptiarum instructor* («тот, кто устраивает, подготавливает бракосочетание»). **Законоположитель** *Legum conditor* («автор, сочинитель закона»). **Оусморѣзатель. кожерѣзатель**. *Coriogum scissor* («нарезающий кожи, шкуры»). **органодѣлатель**. *Faber organarius* («творец, создатель музыкальных инструментов»).

Часто семантика сложного слова в латинском соответствии выражена имплицитно: **Здраводатель**. *Sospitator* («спаситель, избавитель»). *Seruator* («хранитель, спаситель»). **Красногатель**. *Orator* («оратор»). **Оумопредститель. Оумопредщатель**. *Deceptor* («обманщик»). *Defraudator* («обманщик, мошенник»). В некоторых примерах латинское соответствие передает только одну часть основы композита, (1) *глагольную*: **Благоприсѣдатель**. *Assiduus alicuius operis* («присутствующий при каких-либо делах»). *Assessor* («Помощник претора и судьи, заседатель»). **Народоводитель**. *Dux* («вождь, предводитель, царь»); реже (2) *именную*: **Курокормитель**. *Gallinarius* («куровод, птичник»).

Четвертый, наиболее редкий вариант – использование латинского композита: **Благодѣтель**. *Benefactor* («делающий добро»). **Добродѣ(а)тель**. *Benefactor* («делающий добро») *Beneficus* («Благодетельный, творящий добро, любезный»). **Законоположитель**. *Legislator* («Предлагающий законопроект (автор законопроекта)»).

Условно называя лексемы типа **богоподражатель** и **благовѣститель** сложными, мы хотели бы отметить, что некоторым из этих образований в лексиконе соответствуют сложные глаголы, на основании чего следовало бы говорить здесь не о композитах с элементом *-тель*, а об именах с суффиксом *-тель*: **благовѣститель** – **блговѣстѣю**; **богоподражатель** – **богоподражаю**; **законоположитель** – **законополагаю**.

Мы видим здесь пример обратной соотносительности: от глагольного имени на *-тель* образуется глагол на *-ствую*: **благоприсѣдатель** – **благоприсѣдательствую**.

Как можно заметить, только два глагола соотносятся с именами на *-тель* со структурной и грамматической точки зрения: **благодѣтель** – **благодѣю**; **богоподражатель** – **богоподражаю**. В других примерах присутствуют видовые и структурные несовпадения. Можно предположить, что деривация имени и глагола, пришедших в язык как греческие кальки, произошла на славянской почве и явилась отражением соотношенности их в греческом. Можно также допустить, что глагол был образован от имени на *-тель* после освоения последнего славянским языком. В то же время присутствие этих глаголов в словаре приближает отмеченные сложные имена к простым суффиксальным образованиям на *-тель*, хотя в дальнейшем в языке подобные отношения не закрепились. Представляется, что связано это с исчезновением из языка сложных глагольных конструкций. Семантика глагольной основы была излишне отягощена дополнительными элементами, означающими объект либо признак действия. Сложные глаголы были вытеснены синонимами с одной основой, а значение объекта выражалось с помощью дополнения. Существительные же в процессе освоения языком приобретали новую членимость, начиная соотноситься со словосочетаниями, где одним из элементов было простое имя на *-тель*: **богоподражатель** – **подражатель бога**, **умопредаватель** – **предаватель умов**, **богослужитель** – **служитель бога**.

Встречаются примеры передачи славянских простых имен латинскими композитами:

Плаватель – *fluctuagus* («гонимый волнами, блуждающий по волнам»), **повражатель** – *fatidicus* («предсказатель, прорицатель»), **тяжатель** – *agricola* («земледелец»), *agripeta* («претендент на земельный надел, поселенец, колонист»). Впрочем, во всех подобных примерах составитель приводит и простые синонимичные лексемы (**плаватель** – *natator*, **повражатель** – *vaticinator*, **тяжатель** – *agrarius*), из чего можно сделать вывод о стремлении лексикографа к сохранению параллелизма не только в семантике, но и в структуре славянских и латинских слов в тех случаях, когда это возможно.

Показательно, что в качестве соответствий именам на *-тель*, помимо вышеуказанных, Славинецкий использует латинские причастия (*participium praesentis activi*, в дальнейшем РРА). С древних времен отмечается явление синонимии имен на *-тель* и действительных причастий настоящего времени. Материал лексиконов подтверждает, что эти отношения присутствовали и в XVII в. Обратимся к примерам: **него-**

дователь – *Irascens* (РРА от *irascor* «гневаться, злобствовать, раздражаться»). *Indignans* (РРА от *indignor* «считать недостойным, возмутительным, негодовать, возмущаться, досадовать, сердиться»); **председатель** – *Prim[um] locum sapiens* (РРА от *sapio* «получать, брать, занимать, захватывать»). *Primas tene(n)s* (РРА от *teneo* «держатъ, владеть, занимать, удерживать»).

Тесную связь *nomina agentis* с причастиями, а следовательно с глаголом, иллюстрирует и то, что разнотипные латинские соответствия, которые Славинецкий выбирает для славянских лексем на *-тель* в *Слав.*, в *Лат.* единообразно переводятся действительными причастиями настоящего времени: **Бдитель** – *Pervigil*. **Бдящий**; **Постригатель сукна** – *Tonsor* (**стригущий**) *panni* (**сукно**); **Пустошитель** – *Vastator* (**побивающий**).

Многие образования на *-or*, приводимые Славинецким в качестве соответствий именам на *-тель*, в современном латинском словаре также переводятся РРА: *Boni nuntii allator* «добрые вести доставляющий» (**Благовѣститель**); *Benefactor* «делающий благо» (**Благодѣтель**); *Prohibitor* «препятствующий, мешающий» (**Възбранитель**) и др.

Надо отметить, что все перечисленные РРА представляют собой субстантиваты, т.е. выражают семантику лица.

Особое внимание следует обратить на латинские соответствия на *-arius*, поскольку они противопоставлены в сфере *nomina agentis* именам на *-or*, так как образованы не от глагола, а от имени (существительного (реже – прилагательного или причастия)) [7, с. 145].

Закалатель – *Carnarius* (от *caro* «мясо» – «мясник»). *Macellarius* (от *macellus* «мясные продукты» – «мясник, мясоторговец»); **курокормитель** – *Gallinarius* (от *gallina* «курица» – «куровод, птичник»); **хранитель** – *Vigilarius* (от *vigil* «страж, бодрствующий» – «страж, бодрствующий»).

Несмотря на отсутствие у латинских образований на *-arius* глагольной мотивации, действие подразумевается: *carnarius* – «тот, кто закалывает скотину», *gallinarius* – «тот, кто ухаживает за курами». Поэтому Славинецкий закономерно приводит их в качестве соответствий именам на *-тель* и часто в одном ряду с другими, отглагольными образованиями: **закалатель** – *Carnarius*. *Lanius* («мясник; палач») (от *lanio* – «разрывать, рвать на части, терзать»); **хранитель** – *Vigilarius*. *Vigil* (от *vigilo* – «бодрствовать, не спать, неусыпно заботиться, быть бдительным, осторожным»). Соответствующие славянские

глаголы также присутствуют в словаре: **закаляю (закалатель), храню (хранитель)**.

Завершая анализ представленных в лексиконе имен лица с суффиксом *-тель*, можно сделать следующие выводы:

1. Как уже отмечалось, словообразовательный тип на *-тель* является вторым по частотности среди словообразовательных типов со значением *nomina agentis* в словаре после словообразовательного типа с суффиксом *-(ьн)ик*. Это обусловлено тем, что суффикс *-тель* принадлежал к славяно-книжной стихии, тогда как образования на *-(ьн)ик* использовались во всех стилях. Вместе с тем, суффикс *-тель* в указанный период в исследуемом источнике оформляет исключительно значение действующего лица, чем обусловлена его многочисленность среди подобных имен. Процессуальность подобных образований последовательно отмечена в *Слав.*, она выражается на уровне славянского материала в приводимых составителем однокорневых глаголах, на уровне латинских соответствий – в многочисленных причастных конструкциях, в образованиях на *-or* и *-arius*, определяемых латинским грамматиком как *nomina agentis* и т. д.

2. Исследование представленных в двуязычных лексиконах Е. Славинецкого и А. Корецкого-Сатановского имен лица с суффиксом *-тель* также помогает восполнить данные исторической лексикографии, не учитывающей до настоящего времени фактического материала из наследия Е. Славинецкого и других книжников-грекофилов.

Список литературы

1. Селищев А.М. Старославянский язык. М.: УРСС, 2001. 544 с.
2. Марков В.М. К вопросу о происхождении суффикса *-тель* в славянских языках / Марков В.М. Избранные работы по русскому языку. Казань: ДАС, 2001. С. 91–102.
3. Николаев Г.А. Русское историческое словообразование. Теоретические проблемы. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987. 152 с.
4. Ярхо В.Н., Лобода В.И. Латинский язык. М.: Просвещение, 1983. 319 с.
5. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 1976. 1096 с.
6. Николаева Н.Г. Богословские переводные памятники в истории русского литературного языка: Дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2008. 443 с.
7. Боровский Я.М., Болдырев А.В. Латинский язык. М.: Изд-во лит. на иностр. языках, 1949. 440 с.

NOMINA AGENTIS IN BILINGUAL LEXICONS OF THE 17th CENTURY

A.I. Bovsunovskaya

Structural and semantic peculiarities of *nomina agentis* with the suffix *-тель* in Slavic-Latin lexicons of the 17th century are studied. The author underlines the importance of corresponding Latin words for the analysis of this particular type of word-formation during the period under study. Special attention is paid to the adaptation of Greek borrowings.

Keywords: word-formation, *nomina agentis*, Slavic-Latin lexicons, Greek borrowings, composites.